

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 1751

Джанумов С.А.

Московский городской педагогический университет

«ГОРЕ ОТ УМА» А.С. ГРИБОЕДОВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И ПИСЬМАХ А.С. ПУШКИНА

Аннотация: В статье выявляются отголоски, прямые и скрытые цитаты, реминисценции из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» в произведениях и письмах А.С. Пушкина. В статье также приводятся свидетельства современников о том, как высоко ценил Пушкин комедию «Горе от ума», примеры образно-смысловых соприкосновений грибоедовской комедии и произведений Пушкина, созданных в 1825 году – трагедии «Борис Годунов» и поэмы «Граф Нулин», а также произведений и писем, написанных в последующие годы, вплоть до середины 1830-х годов. В статье на основе рассмотренного материала делается вывод о том, что А.С. Грибоедов и его комедия «Горе от ума» постоянно присутствовали в творческом сознании А.С. Пушкина.

Ключевые слова: произведения, письма, творческое сознание, отголоски, цитаты, реминисценции.

S. Dzhanumov

Moscow City Teacher Training University

A. GRIBOYEDOV'S «THE WOES OF WIT» IN A. PUSHKIN'S WORKS AND LETTERS

Abstract. In the article, the author reveals the echoes, direct and hidden citations, reminiscences of A. Griboyedov's comedy «The Woes of Wit» in A. Pushkin's works and letters. The article also provides evidence of contemporaries about Pushkin's great appreciation of comedy «The Woes of Wit», the examples of figurative and sense connections of Griboyedov's comedy and Pushkin's works created in 1825 – tragedy «Boris Godunov» and poem «Count Nulin», and also works and letters, written in following years, up to the middle of 1830s. In the article, the author basing on the considered material makes a conclusion that A. Griboyedov and his comedy «The Woes of Wit» was constantly present in A. Pushkin's creative consciousness.

Keywords: works, letters, creative consciousness, echoes, citations, reminiscences.

Цель статьи – выявить отголоски, прямые и скрытые цитаты, реминисценции из «Горя от ума» А.С. Грибоедова в произведениях и письмах А.С. Пушкина. Образно-смысловые соприкосновения комедии Грибоедова и «Евгения Онегина» Пушкина уже не раз привлекали внимание исследователей. Так, неоднократные обращения Пушкина к тексту «Горя от ума» в стихотворном пушкинском романе отмечали в своих работах Н.Л. Бродский [2, с. 249; 277; 203], В.В. Набоков [8, с. 141; 224; 407; 443-444; 478; 512; 514; 515; 543-545], Ю.М. Лотман [6, с. 292; 311-312; 330-331; 351; 368], М.В. Строганов [12, с. 317-321] и другие литературоведы. Мы попытаемся расширить круг привлекаемых в этом плане пушкинских произведений, раскрыть художественные функции цитат и реминисценций из «Горя от ума» в творчестве Пушкина.

В статье «Плагиаты Пушкина» (впервые: «Искусство». – 1925. – Кн. II. – С. 257-264) М.О. Гершензон отметил следующую особенность художественного мышления Пушкина: «... Оказывается, что его память, хранившая в себе громадное количество чужих стихов, сплошь и рядом в моменты творчества выкладывала перед ним чужую, готовую поэтическую формулу того самого описания, которое ему по ходу рассказа предстояло создать» [3, с. 199].

Отмеченная М.О. Гершензоном поразительная способность поэта хранить в своей «расторопной памяти» [там же] множество цитат из произведений других авторов или даже брошенных на лету «bons-mots» (*франц.* – острот) своих собеседников подтверждается и свидетельством по-

эта Д.В. Давыдова. Прочитав «Пиковую даму», Д.В. Давыдов (в письме от 4 апреля 1834 года) восхищается «дьявольской памятью» Пушкина и напоминает ему о своём давнем разговоре с ним относительно камеристок, которые «свежее» великосветских женщин: «Помилуй! что за дьявольская память? – бог знает когда-то на лету я рассказал тебе ответ мой М.А. Нарышкиной (фаворитке Александра I, жене обер-егермейстера двора Д.Л. Нарышкина. – С. Д.) на счет *es suivantes qui sont plus fraiches* (*франц.* – камеристок, которые более свежи. – С.Д.), а ты слово в слово составил это эпитафией в одном из отделений Пиковой Дамы. Вообрази моё удивление, а ещё более восхищение моё жить в памяти твоей, в памяти Пушкина...» [9: XV, с. 123] (напомним эпитафию ко второй главе «Пиковой дамы» в переводе на русский язык. В повести он приводится на французском языке): «Вы, кажется, решительно предпочитаете камеристок. – Что делать, сударыня? Они свежее» [9: VIII, с. 1068]. – С. Д.).

О том, насколько высоко ценил Пушкин «Горе от ума» Грибоедова, свидетельствуют воспоминания писателя В.А. Ушакова (1789–1838). В статье о Грибоедове, опубликованной в журнале «Московский Телеграф» (1830. – 4. – XXXIII. – № 12. – Июнь. – С. 514 – 515), В.А. Ушаков вспоминает о встрече с А.С. Пушкиным (не называя, впрочем, его по имени) в театре накануне поездки поэта на Кавказ: «В прошедшем году <т. е. в апреле 1829 года. – П.К., С.Ф.> я встретился в театре с одним из первоклассных наших поэтов и узнал из его разговоров, что он намерен отправиться в Грузию. «О боже мой, – сказал я горестно, – не говорите мне

о поездке в Грузию. Этот край может назваться врагом нашей литературы. Он лишил нас Грибоедова». – «Так что же? – отвечал поэт. – Ведь Грибоедов сделал своё. Он уже написал “Горе от ума”» [1, с. 405].

А в «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года», рисуя проникновенный психологический портрет Грибоедова и осмысливая его роль в истории русской литературы, Пушкин пишет: «Его (Грибоедова. – С. Д.) рукописная комедия: *Горе от Ума* (курсив Пушкина. – С. Д.), произвела неопи- санное действие и вдруг поставила его наряду с первыми нашими поэтами» [9: VIII, с. 461].

Как только в декабре 1833 года вышло в свет первое издание «Горя от ума» («Горе от ума. Комедия в четырёх действиях, в стихах. Сочинение Александра Сергеевича Грибоедова. Москва. В Типографии Августа Семёна 1833»), Пушкин тут же приобрёл эту книгу. Книга сохранилась в личной библиотеке поэта и, как отмечал Б.Л. Модзалевский, она полностью разрезана [7, с. 32].

Отголоски, прямые и скрытые цитаты, реминисценции из «Горя от ума» мы находим во многих произведениях Пушкина, и, прежде всего, в «Борисе Годунове» и в «Графе Нулине», написанных в 1825 году, то есть в год озна- комления с грибоедовской комедией.

Как вспоминал лицейский товарищ Пушкина И.И. Пущин, завезший одну из рукописных копий комедии Грибо- едова в Михайловское 11 января 1825 года, чтение «Горя от ума» началось и закончилось в тот же день «после обе- да, за чашкой кофе» [10, с. 71]. Поэтому Пушкин в начале своего письма к поэ- ту и критику А.А. Бестужеву (конец

января 1825 года. Михайловское) осо- бо подчёркивал это обстоятельство: «Слушал Чацкого (имеется в виду «Горе от ума». – С. Д.), но только один раз, и не с тем вниманием, коего он до- стоин» [9: XIII, с. 138]. Но Пушкину с его «диавольской памятью» и этого од- ного чтения было достаточно, чтобы комедия Грибоедова запомнилась ему надолго, хотя, вероятно, потом в его распоряжении находились и другие списки «Горя от ума» (до выхода в свет в 1833 году первого издания комедии).

Реминисценций из «Горя от ума» в «Борисе Годунове» не так много, ско- рее всего, потому, что эти произведе- ния принадлежат к разным жанрам и резко отличаются друг от друга по проблематике и поэтике. «Борис Году- нов» – историческая трагедия, а «Горе от ума», по выражению И.А. Гончарова в его статье «Милion терзаний» (1872), картина «московских нравов извест- ной эпохи» [4, с. 20], то есть 20-х годов XIX века, «картина современных нра- вов» [4, с. 22]. И всё же отголоски «Горя от ума», может быть, не столь явные и не сразу бросающиеся в глаза, а также переклички и «странные сближения» с грибоедовской комедией в «Борисе Го- дунове» есть.

Уже в первой сцене трагедии родо- витые князя Шуйский и Воротынский обсуждают «незнатность» происхож- дения Бориса Годунова, худородного претендента на царский трон: «В о р о т ы н с к и й. Так, *родом* он не зна- тен, мы знатнее» (здесь и ниже, за ис- ключением авторских ремарок, курсив мой. – С. Д.). И хотя коллежскому асес- сору Молчалину в этом плане далеко до Бориса Годунова, но Фамусов пре- жде всего подчёркивает «безродность» своего секретаря: «*Безродного* пригрел

и ввёл в мое семейство, / Дал чин асессора и взял в секретари...» [5, с. 19].

(Слово «безродный», не очень характерное для языка Пушкина и употребляющееся в его произведениях только два раза, встречается в пушкинской поэме «Полтава», когда поэт упоминает Меншикова, тоже, кстати, в своё время «пригретого» Петром I: «И, счастья баловень *безродный*, / Полудержавный властелин» [9: V, с. 57]. И ещё раз мы находим это слово в черновиках поэмы «Медный всадник», где бедному чиновнику Евгению даётся такая характеристика: «Он был [чиновник] небогатый / *Безродный*, круглый [сирота]» [9: V, с. 444]).

В четвёртой сцене трагедии «Ночь. Келья в Чудовом монастыре» Григорью Отрепьеву трижды снится «*проклятый сон*» [9: VII, с. 18], о котором он рассказывает Пимену. И этот приём «вещего» сна, «сна в руку» психологически оправдан, так как этот сон предвещает трагический конец самозванца (правда, это произойдёт уже за пределами пушкинской трагедии).

Сон Софьи от начала до конца придуман для того, чтобы рассеять подозрения Фамусова. Но внезапное появление Чацкого как бы тоже делает его «вещим»:

«Ф а м у с о в

Вот и другой.

С о ф и я

Ах, батюшка, сон в руку. (*Уходит*)

Ф а м у с о в (*ей вслед вполголоса*)

Проклятый сон» [5, с. 30-31].

Во втором действии комедии (явление 11), когда Софья, Лиза и Молчалин остаются одни, Софья со смирением говорит Молчалину о Чацком и Скалозубе, при которых своим обмороком она чуть не выдала себя:

«Вошли вы, слова не сказала,

При них *не смела я дохнуть*,

У вас спросить, *на вас взглянуть*» [5, с. 56].

В конце сцены «Царская Дума», когда князь Шуйский после рассказа простодушного патриарха о святых мощах убиенного царевича Димитрия помогает Борису Годунову выйти из трудной и двусмысленной ситуации, почти так же, как и Софья, ведут себя бояре, ставшие невольными свидетелями смятения царя:

«Один боярин (*тихо другому*).

Заметил ты, как государь бледнел

И крупный пот с лица его закапал?

Д р у г о й.

Я – признаюсь – *не смел поднять очей*,

Не смел вздохнуть, не только шевельнуться» [9: VII, с. 72].

Ещё один пример. В действии I комедии (явление 8) Софья, уязвлённая пренебрежительным и уничижительным отзывом Чацкого о Молчалине, произносит в сердцах о Чацком: «Не человек, *змея!*» [5, с. 30]. А в трагедии «Борис Годунов» в конце сцены «Ночь. Сад. Фонтан» Самозванец, оставшись один после решительного объяснения с Мариной Мнишек, говорит о ней (хотя, возможно, тут просто совпадение): «*Змея! Змея!* – Недаром я дрожал. / Она меня чуть-чуть не погубила» [9: VII, с. 65].

В другом пушкинском произведении 1825 года - поэме «Граф Нулин» – героиня (Наталья Павловна) впервые появляется перед нами «в ночном *цепце*, в одном платочке (здесь и ниже курсив мой. – С. Д.)» [9: V, с. 3]. В той же поэме, описывая пёстрый и разнообразный багаж главного героя, Пушкин, среди прочих модных вещи-

чек, привезённых графом Нулиным на «святую Русь» «из чужих краев» (а точнее, как мы догадываемся, из Парижа («Жалеет о Париже страх...» [9: V, с. 7]), упоминает шляпы и булавки. Нулин едет в «Петрополь», то есть, в Петербург

«С запасом фраков и жилетов,
Шляп, вееров, плащей, корсетов,
Булавок, запонок, лорнетов...» [9: V, с. 6].

А Фамусов (действие I, явление 4) брюзжит и мечтает о том времени, «Когда избавит нас Творец, / От шляпок их! цепцов! и шпилек! и булавок! [5, с. 18].

Да и Софью он укоряет в таком же предосудительном поведении, какое позволяет себе в написанной позже «Горя от ума» поэме «Граф Нулин» её героиня – Наталья Павловна.

«Ф а м у с о в
<...> А ты, сударыня, чуть из постели прыг,

С мужчиной, с молодым!..» [5, с. 17].

Наталья Павловна, как мы помним, в отсутствие мужа, проводящего время на охоте, тоже охотно принимает молодого мужчину («Вслед барин молодой хромает» [9: V, с. 6]) – графа Нулина (и, как мы догадываемся, прочитав концовку поэмы, не его одного: «Смеялся Лидин, их сосед, / Помещик двадцати трёх лет» [9: V, с. 13]), кокетничает с ним («Куда кокетство не ведёт?» [9: V, с. 8], а после ужина «тихонько графу руку жмёт» (ср. реплику Софьи о Молчалине в «Горе от ума»: «Возьмёт он руку, к сердцу жмёт...» [5, с. 24]) и как бы невзначай упоминает о «постелях»: «Пора, прощайте: ждут постели...» [9: V, с. 8].

«Странные сближения» проявляются и в описании того, как граф Ну-

лин «в надежде сладостных наград» (ср. слова Чацкого: «И вот за подвиги награда!» [5, с. 26]) крадётся в спальню Натальи Павловны: «Трепещет, если пол под ним / Вдруг заскрыпит...» [9: V, с. 10] (ср. слова Лизы, обращённые к Фамусову, о чутком сне Софьи, равно как и всех других девушек: «Чуть дверью скрипнешь, чуть шепнешь: / Всё слышат...» [5, с. 15].

А после ночного приключения с поползновением графа на честь героини и пощёчиной, полученной «Тарквинием новым» от «добродетельной» Натальи Павловны, «проказница младая» «поутру», почти как грибоедовская Софья («чуть из постели прыг»), снова как ни в чем ни бывало, приглашает графа Нулина «к чаю» и «заводит скромно разговор / О том, о сём» [9: V, с. 12], то есть опять-таки продолжает проводить время «с мужчиной, с молодым», за чем её и застаёт вернувшийся с охоты и ничего не подозревающий до поры до времени муж.

Можно отметить и определённую переключку иронической концовки поэмы «Граф Нулин» («Теперь мы можем справедливо / Сказать, что в наши времена / Супругу верная жена, / Друзья мои, совсем не диво» [9: V, с. 13] с репликой Чацкого, обращённой к Молчалину, в действии III «Горя от ума»: «Какое ж диво тут?» [5, с. 69].

Ещё совпадения. В первом действии «Горя от ума» Лиза сообщает Фамусову, желая отвести его подозрения, о якобы только что уснувшей перед рассветом Софье: «Сейчас започивала» [5, с. 14]. А графу Нулину в уже упомянутой ночной сцене тоже кажется сон Натальи Павловны притворством: «Хозяйка мирно почивает, / Иль притворяется, что спит» [9: V, с. 10].

И в комедии Грибоедова, и в поэме Пушкина очень похоже ведут себя со своими господами преданные своим хозяйкам служанки. Во втором явлении первого действия Фамусов говорит, обращаясь к Лизе и заигрывая с ней: «Ведь экая *шалунья* ты девчонка...» [5, с. 13]. А когда Лиза, желая предупредить Софью о неожиданном появлении барина почти кричит (авторская ремарка, предваряющая её реплику: «*как можно громче*»): «Да полноте-с!», Фамусов в страхе «*зажимает ей рот*» (авторская ремарка) и говорит: «Помилуй, как *кричишь*». А чуть ниже в той же сцене, не веря в слова служанки о сне Софьи, убеждённо заявляет Лизе: «*Всё ты лжёшь*» [5, с. 15]. Ср. с поведением Параша в поэме «Граф Нулин»:

«Порою с барином *шалит*,
Порой на барина *кричит*,
И *лжёт* пред барыней отважно» [9: V, с. 8].

Даже одного из слуг в грибоедовской комедии и в пушкинской поэме зовут одинаково – Филька: «*Эй! Филька*, Фомка, ну ловчей...»; «*Ты, Филька*, ты прямой чурбан...» [5, с. 72; 120], да и обращаются в обоих произведениях господа к своим слугам очень похоже – нетерпеливо, повелительно-требовательно, с одними и теми же словами: «*Ф а м у с о в*. Сюда! За мной! *скорей! скорей!*...» [5, с. 119] (ср. в поэме «Граф Нулин»: «*Филька*, Васька! / Кто там? *скорей!* вон там коляска. / Сей час везти её на двор...» [9: V, с. 5-6]). Если уж мы заговорили об антропонимах, то, возможно, неслучайно, что отчество героини пушкинской поэмы («Наталья Павловна») точно такое же, как у дочери Фамусова: «Софья Павловна».

Обратимся к другим произведениям Пушкина, в которых можно обна-

ружить бессознательные или явные реминисценции из «Горя от ума».

В пушкинской повести «Барышня-крестьянка», говоря о гувернантке Лизы Муромской – англичанке «мадам мисс Жаксон», автор как бы вскользь замечает, что эта «сорокалетняя чопорная девица» «... умирала со скуки в этой варварской России (курсив Пушкина. – С. Д.)» [9: VIII, с. 111]. Пушкин неслучайно выделяет курсивом слова о «варварской России», так как они прямо или косвенно отсылают нас к монологу Чацкого о «французике из Бордо», который «... снаряжался в путь / В Россию, к варварам (курсив мой. – С. Д.), со страхом и слезами» [5, с. 95] (кстати, «француз из Бордо» упоминается среди других персонажей «Горя от ума» в пушкинском «Путешествии из Москвы в Петербург» [9: XI, с. 247]).

Сон Марьи Гавриловны в повести «Метель» в ночь перед бегством из родительского дома в отдельных моментах перекликается с вымышленным и импровизированным по ходу его переказа сном Софьи. Так, Софья, рассказывая о том, как во сне Фамусов хочет силой разлучить её с любимым, «милым человеком», который ей «дороже всех сокровищ», вспоминает: «Хочу к нему – вы *тащите* с собой (здесь и ниже курсив мой. – С. Д.)» [5, с. 20] (ср. со сном Марьи Гавриловны, где в роли насильственного разлучника с Владимиром также выступает её отец: «То казалось ей (Марье Гавриловне. – С. Д.), что в самую минуту, как она садилась в сани, чтоб ехать венчаться, отец её останавливал её, с мучительной быстротою *тащил* её по снегу и бросал в *тёмное* бездонное подземелие...» [9: VIII, с. 78]). Кстати, один из

локусов снов Софьи и Марьи Гавриловны – это подземелье. Во сне Софьи: «Мы в *тёмной* комнате. Для довершения чуда / Раскрылся пол – и вы оттуда...» [5, с. 20].

Если уж мы заговорили об отцах Софьи и пушкинских героинь, нельзя не привести ещё один пример их сравнительной характеристики. Так, в том же четвертом явлении действия I Фамусов, самодовольно считая себя образцовым отцом («Не надобно иного образца, / Когда в глазах пример отца» [5, с. 19]), заявляет Софье: «Смотри ты на меня: не хвастаюсь сложеньем, / Однако *бодр и свеж*, и дожил до седины; / Свободен, вдов, себе я господин...» [5, с. 19].

А, характеризуя в повести «Станционный смотритель» Самсона Вырина, рассказчик («титularный советник А.Г.Н.»), во-первых, сразу же даёт понять, что Самсон Вырин – вдовец («"Дочка-с" отвечал он с видом довольного самолюбия; "да такая разумная, такая проворная, вся в покойницу мать"» [9: VIII, с. 98]), и, во-вторых, рисует портрет смотрителя, используя эпитеты, как бы отсылающие нас к приведённым выше словам Фамусова: «Вижу, как теперь, самого хозяина, человека лет пятидесяти, *свежего и бодрого...*» (курсив мой. – С. Д.)» [9: VIII, с. 99].

В действии I (явление 4) «Горя от ума» Фамусов брюзжит: «*Ужасный век!* Не знаешь, что начать! (здесь и ниже курсив мой. – С. Д.)» [5, с. 19]. А в финале трагедии Пушкина «Скупой рыцарь» Герцог, потрясённый взаимной ненавистью отца и сына – барона Филиппа и Альбера, произносит: «*Ужасный век, ужасные сердца!*» [9: VII, с. 120].

Есть в творчестве Пушкина и прямые заимствования из «Горя от ума».

Так, в уже цитировавшейся нами выше повести Пушкина «Метель» автор, описывая патриотическое воодушевление народа после окончания войны с Наполеоном и возвращения русской армии «из-за границы», особое внимание уделяет бурному восторгу русских женщин при виде военных: «Женщины, русские женщины были тогда бесподобны. Обыкновенная холодность их исчезла. Восторг их был истинно упоителен, когда, встречая победителей, кричали они: *ура!*

И в воздух чепчики бросали (курсив Пушкина. – С. Д.)» [9: VIII, с. 83].

И хотя многие из «крылатых слов» Грибоедова были у всех на слуху (вспомним отзыв Пушкина о «Горе от ума»: «О стихах я не говорю, половина – должны войти в поговорку» [9: XIII, с. 139]), автор «Метели» всё же счёл нужным выделить слово «ура» курсивом, а следующий стих из комедии напечатал отдельной строкой, отсылая читателя тем самым к источнику, из которого заимствована цитата – к словам Чацкого из действия II, явления 6 «Горя от ума»:

Когда из гвардии, иные от двора
Сюда на время приезжали:
Кричали женщины: ура!

И в воздух чепчики бросали! [5, с. 49].

Прямая переключка с «Горем от ума» заметна и в пушкинском «Путешествии из Москвы в Петербург» (1835). В своей заметке «Пушкин и Грибоедов (Два эпизода творческих взаимоотношений)» Ю.П. Фесенко пишет: «Особое место среди грибоедовских реминисценций у Пушкина занимает глава «Москва» в «Путешествии из Москвы в Петербург». Если в первой части главы о грибоедовской Москве говорится в прошедшем времени,

то во второй – в настоящем. Смысл такого построения становится понятным при учёте статьи И.В. Киреевского о «Горе от ума» («Европеец, 1832, № 1), где, в частности, говорилось, что «оригиналы тех портретов, которые начертал Грибоедов, уже давно не составляют большинства московского общества, и хотя они созданы и воспитаны Москвою, но уже сама Москва смотрит на них как на редкость, как на любопытные развалины старого мира» [13, с. 108].

Действительно, в главе «Москва» «Путешествия из Москвы в Петербург» Пушкин не только описывает Москву такой, какой она сложилась в его творческом сознании, но и во многом при изображении древней столицы идёт от Грибоедова.

Особенно наглядно это проявляется там, где Пушкин сравнивает грибоедовскую Москву и Москву начала 1830-х годов. Так, говоря о московском «дешёвом хлебосольстве» и «московских обедах» [9: XI, с. 246], Пушкин не мог не помнить слов Фамусова из его монолога «Вкус, батюшка, отменная манера...» (д. II, явл. 5) в «Горе от ума»: «Да это ли одно? возьмите вы *хлеб-соль*: / Кто хочет к нам пожаловать, – изволь; / Дверь отперта для званых и незваных, / Особенно из иностранных; / Хоть честный человек, хоть нет, / Для нас равнёхонько, про всех готов *обед* (курсив мой. – С. Д.)» [5, с. 46].

То же относится и к пушкинскому восприятию Москвы как «ярманки невест» [9: VI, с. 150]: «Москва славилась невестами, как Вязьма пряниками...» [9: XI, с. 246]. И здесь он мог отталкиваться от реплики Фамусова (д. II, явл. 5): «В Москве ведь нет невестам пере-

вода; / Чего? плодятся год от года... [5, с. 45].

Завершается же в «Путешествии из Москвы в Петербург» это сравнение грибоедовской Москвы с Москвой начала 1830-х годов таким грустно-ироническим пассажем: «*Горе от ума* есть уже картина обветшала, печальный анахронизм. Вы в Москве уже не найдёте ни Фамусова, который *всякому, ты знаешь, рад* – и князю Петру Ильичу, и французу из Бордо, и Загорецкому, и Скалозубу, и Чацкому; ни Татьяны Юрьевны, которая Балы даёт нельзя богаче

От Рождества (так у Пушкина. – С.Д.) и до поста,

А летом праздники на даче.

Хлёстова в могиле; Репетилов в деревне. Бедная Москва!.. (курсив Пушкина. – С. Д.)» [9: XI, с. 247].

В указанной выше статье Ю.П. Фесенко есть ещё одно любопытное наблюдение. Во второй части статьи, которую автор озаглавил «Грибоедовская тема в “Путешествии в Арзрум”», Ю.П. Фесенко замечает: «В конце черновой рукописи «Путешествия» было записано: «Пуцин (имеется в виду поручик М.И. Пуцин, брат лицейского товарища Пушкина – И.И. Пуцина. – С. Д.) остановил меня, требуя, чтобы я читал с большим мимическим искусством,

не так, как пономарь,

А с чувством, с толком, с расстановкой» (VIII, 1017).

И хотя эти строки были изъяты Пушкиным из окончательного текста, сам факт непрерывного обращения пушкинской мысли к личности и творчеству Грибоедова свидетельствует о важности грибоедовской темы в «Путешествии в Арзрум» [13, с. 112].

Отдельные слова и выражения из «Горя от ума» не раз цитируются и в других произведениях Пушкина. Так, в незавершённом «Романе в письмах» (1829) в послании одного из персонажей – Владимира – к своему другу мы читаем: «Старушки от меня в восхищении, барыни ко мне так и льнут, “А потому что патриотки»» [9: VIII, с. 54]. Здесь прямая цитата из грибоедовской комедии отмечена Пушкиным не только в кавычках, но и в слове «льнут» перед кавычками. Ср. реплику Фамусова о московских девицах из его монолога «Вкус, батюшка, отменная манера...» во втором действии (явление 5) комедии: «... К военным людям так и льнут, / А потому, что патриотки» [5, с. 47].

В том же произведении – в «Романе в письмах» – мы находим скрытую реминисценцию из «Горя от ума»: в ответе друга Владимира на цитированное выше письмо: «Охота тебе корчить г. Фобласа и вечно возиться с женщинами. Это не достойно тебя. В этом отношении ты отстал от своего века и сбиваешься на *ci-devant* (бывшего – *франц.* – С. Д.) *хрипуна* (здесь и ниже курсив мой. – С. Д.) 1807 г.» [9: VIII, с. 55]. Ср. с краткой, но убийственной характеристикой, данной Скалозубу Чацким в начале третьего действия комедии: «Хрипун, давленник, фагот, / Созвездие маневров и мазурки!» [5, с. 61].

Слово «хрипун», но уже во множественном числе и также в связи с офицерами, встречается в беловом автографе пушкинской поэмы «Домик в Коломне» (1830): «У нас война. Красавцы молодые! (в подстрочном варианте «Гвардейцы затяжные!») / Вы, *хрипуны* (но хрип ваш приумолк)...»

[9: V, с. 374]. В «Словаре языка Пушкина» даётся следующее толкование этого слова: «Столичный гвардейский офицер, отличающийся блестящей военной выправкой, светским щегольством и особой манерой говорить с хрипотцой (хрипловатым голосом)» [11, с. 845].

О том, что Пушкин не только внимательно читал и, по-видимому, не раз перечитывал, но и хорошо запомнил отдельные выражения из грибоедовской комедии, свидетельствует надпись на обложке незаконченной пушкинской статьи «<Байрон>», сделанная рукой самого автора статьи: «О Байроне и о предметах важных» [9: XI, с. 519], представляющая собой перефразировку слов Репетилова из действия IV (явление 4) «Горя от ума»: «Я сам, как схватятся о камерах, присяжных, / О *Бейроне*, ну о *матерьях важных* (курсив мой. – С. Д.), / Частенько слушаю, не разжимая губ...» [5, с. 104].

В одной из пушкинских заметок, датированной предположительно 1835 – 1836 годами, поэт говорит о том, что «множество слов и выражений, насильственным образом введённых в употребление, остались и укоренились в нашем языке». В качестве примера он приводит французское выражение *Dans son assiette ordinaire* («В своем обычном состоянии» - *франц.* – С. Д.) и тут же замечает: «... *assiette* (здесь и ниже курсив Пушкина. – С. Д.) значит положение от слова *asseoir* («сажать, ставить, устанавливать, основывать» – *франц.* – С. Д.), но мы перевели каламбуром – в своей тарелке: –

Любезнейший, ты не в своей тарелке.

Горе от ума» [9: XII, с. 181].

Показательно, что, приводя иностранные слова и выражения, переведённые, пусть и не совсем адекватно, но укоренившиеся именно в таком каламбурном переводе в русском языке и со временем ставшие поговоркой, Пушкин ссылается на «Горе от ума» Грибоедова.

Множество цитат из «Горя от ума» рассыпано в письмах Пушкина. Так, в письме к П.А. Вяземскому из Тригорского от 28 января 1825 года, находясь под сильным впечатлением от недавно прочитанной грибоедовской комедии, Пушкин в связи с определённой житейской ситуацией вспоминает слова Репетилова из четвертого действия «Горя от ума», выделив эту цитату отдельной строкой: «Савелов (имеется в виду одесский знакомый поэта А.П. Савелов, присвоивший переданные ему одесским купцом Ф.Л. Лучичем для Пушкина 600 рублей. – С. Д.) большой подлец. <...> Охотно извиняю и понимаю его

Но умный человек не может быть не плутом!» [9: XIII, с. 137] (у Грибоедова: «Да умный человек не может быть не плутом» [5, с. 106]. – С. Д.).

В письме к П.А. Плетнёву из Москвы от 13 января 1831 года, накануне женитьбы на Н.Н. Гончаровой, желая лучше выразить своё нелестное мнение о московских тетушках и своей будущей теще – Н.И. Гончаровой, Пушкин приводит по памяти (не совсем буквально, но точно по смыслу) финальную реплику Фамусова: «Я не люблю московской жизни. Здесь живи, не как хочешь – как тётки хотят. Тёща моя та же тётка. То ли дело в П.<етер>Б<урге>! Заживу себе мещанином припеваючи, независимо и не думая о том, что скажет Марья Алек-

севна (курсив мой. – С. Д.)» [9: XIV, с. 143] (у Грибоедова: «Ах! Боже мой! Что станет говорить / Княгиня Марья Алексеевна!» [5, с. 122]).

В письме к П.А. Плетнёву из Москвы (около (не позднее) 14 апреля 1831 года) – ещё одна реминисценция из «Горя от ума». Отвечая на «запросы», заключённые в письме П.А. Плетнёва от 22 февраля того же года, Пушкин замечает в начале письма: «Ты прав, любимец муз – должно быть *аккуратным* (здесь и ниже курсив мой. – С. Д.), хотя это и немецкая добродетель (с точки зрения поэта, «аккуратность» – обычная черта немецкого характера. В связи с этим сразу вспоминается строки из первой главы «Евгения Онегина»: «... И хлебник, немец аккуратный, / В бумажном колпаке, не раз / Уж отворял свой *васисдас* (курсив Пушкина. – С. Д.)» [9: VI, 20]. – С. Д.); не худо быть и *умеренным*, хотя Чацкий и смеётся над этими *двумя талантами*» [9: XIV, с. 162].

Восходит эта цитата, как указывал сам Пушкин, к диалогу Чацкого и Молчалина в действии III (явление 3) комедии:

М о л ч а л и н

Нет-с, свой талант у всех...

Ч а ц к и й

У вас?

М о л ч а л и н

Два-с:

Умеренность и аккуратность.

Ч а ц к и й

Чудеснейшие два! и стоят наших всех» [5, с. 68].

В письме к М.П. Погодину из Петербурга (около (не позднее) 7 апреля 1834 года), поэт объясняет, почему он не может принять его приглашения и отправить для чтения в Обществе лю-

бителей российской словесности при Московском университете свои стихи. Основная причина – избрание Пушкина в члены Общества вместе с Ф.В. Булгариным, которого поэт аттестует в письме как «шпиона, перемётчика и клеветника», «ошельмованного негодяя». Обвиняя Общество в нравственной неразборчивости, Пушкин очень к месту приводит отдельной строкой цитату из «Горя от ума» – реплику Фамусова из действия II (явление 3) комедии: «Воля Ваша: это пощёчина. Верю, что Общество, в этом случае, поступило, как Фамусов, не имея намерения оскорбить меня.

Я всякому, ты знаешь, рад» [9: XV, с. 124].

Пушкину не нужно было подробно комментировать смысл приведённой цитаты, так как М.П. Погодин, несомненно, хорошо понял причину негодования и намёк поэта, поскольку среди тех гостей всякого разбора, которым Фамусов «рад», на первом месте полковник Скалозуб – «известный человек, солидный». А Скалозуба Фамусов и уважает, и в то же время побаивается. Невольно проговариваясь, Фамусов при известии о том, что к нему пожаловал Скалозуб, предупреждает Чацкого: «Пожалуйста, сударь, *при нём остерегись...* (здесь и ниже курсив мой. – С. Д.)» [5, с. 42] (неслучайно теми же словами предупреждает Платон Михайлович Горич Чацкого от знакомства и сближения с «отъявленным мошенником, плутом» Загорецким: «*При нём остерегись: переносить горазд*» [5, с. 80]).

То есть в глазах Пушкина скандально известный «клеветник» Ф.В. Булгарин ничем не лучше тех людей, которым всегда «рад» Фамусов: солдафона

Скалозуба и доносчика Загорецкого. А потому оскорбление, невольно нанесённое поэту Обществом любителей российской словесности, вдвойне обиднее и непереносимее. Напомним, что Пушкин уже цитировал (и даже выделял курсивом) приведённую выше реплику Фамусова в «Путешествии из Москвы в Петербург», характеризуя московское общество, представленное в комедии Грибоедова.

Таким образом, Грибоедов и «Горе от ума» постоянно присутствовали в творческом сознании Пушкина, начиная с 11 января 1825 года, когда поэт впервые прочитал грибоедовскую комедию в Михайловском, и до середины 1830-х годов. Пушкин по-своему осмысливал и творчески использовал характерные образы и отдельные мотивы «Горя от ума», соотносил свои впечатления о Москве и московской жизни с представлениями Грибоедова, художественно осваивал достижения и открытия автора бессмертной комедии в произведениях других жанров, других родов литературы. Вопросы рецепции художественного наследия Грибоедова в отдельных произведениях и во всем творчестве Пушкина нуждаются в дальнейшем изучении и осмыслении.

ЛИТЕРАТУРА:

1. А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников / Вступ. статья, сост. и подготовка текста С.А. Фомичева; Комментарий П.С. Краснова и С.А. Фомичева. М.: Художественная литература, 1980. 448 с. Серия литературных мемуаров.
2. Бродский Н.Л. «Евгений Онегин». Роман А.С. Пушкина: Пособие для учителя. М.: Просвещение, 1964. 415 с.
3. Гершензон М.О. Избранное. Т. 1. Мудрость Пушкина. М. Иерусалим: Уни-

- верситетская книга, Gesharim, 2000. 592 с. (Российские Пропилеи).
4. Гончаров И.А. Собр. соч.: В 8-ми тт. Т. 8. М.: Художественная литература, 1980. 559 с.
 5. Грибоедов А.С. Полн. собр. соч.: В 3-х тт. / Ред. коллегия: А.С. Фомичев (главный редактор), А.В. Архипова, В.Э. Вацуро, А.Л. Гришуниин, Н.Н. Скатов. Т. 1. СПб.: Нотабене, 1995. 349 с.
 6. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1980. 416 с.
 7. Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина: Библиографическое описание. – СПб: Типография Императорской Академии Наук, 1910. Репринтное издание. М.: Книга, 1988. 442 с.
 8. Набоков В.В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Перевод с английского. СПб.: «Искусство-СПБ», «Набоковский фонд», 1998. 928 с.
 9. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16-ти тт. [Б.м.], Изд-во АН СССР, 1937-1949. Римскими цифрами обозначен том, арабскими – страница этого издания.
 10. Пуштин И.И. Записки о Пушкине. Письма / Сост., вступ. ст. и комм. М.П. Мироненко и С.В. Мироненко. М.: Правда, 1989. 576 с.
 11. Словарь языка Пушкина: в 4-х тт. Т. 4. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1961. 1048 с.
 12. Строганов М.В. Грибоедов Александр Сергеевич // Онегинская энциклопедия: В 2-х тт. / Под общ. ред. Н.И. Михайловой. Сост. Н.И. Михайлова, В.А. Кошелев, М.В. Строганов. Т. I. А – К. М.: Русский путь, 1999. 576 с.
 13. Фесенко Ю.П. Пушкин и Грибоедов (Два эпизода творческих взаимоотношений) // Временник Пушкинской комиссии. 1980. Л.: Наука, 1983. С. 101-113.